

Панкратов Александр Саввич

Без хлеба

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Саввич П.**
Без хлеба / Панкратов Александр Саввич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 256 с.

ISBN 978-5-521-27198-6

ISBN 978-5-521-27198-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГОЛОДЪ 1898 ГОДА.

1.

Первыя вѣсти. — „Голода нѣтъ“. — Запрещенія. — Благодарѣтельная „ошибка“.

Сижу надъ старыми, пожелтѣвшими отъ времени записными книжками. Изъ далекаго прошлаго встають тяжелыя картины. Какъ давно это было. Да и было ли? Не кошмарный ли это сонъ? Какъ будто среди сытой, довольной жизни попалась мнѣ книжка, написанная кровью, объ иной чудовищной жизни и тяжесть страданій заставила вздрогнуть меня.

Встають далекіе образы: худые, темные, стонущіе. Идутъ тѣнями. Какъ много ихъ!.. Какъ тяжело бере-
дить старую рану.

Стояла ранняя весна. Она застала меня за сухими университетскими лекціями среди каменныхъ громадъ домовъ, гдѣ солнце и радость весенней ласки кажутся несбыточной, далекой мечтой. Въ душѣ лежало тяжелое чувство пустоты и неудовлетворенности... Университетская жизнь была въ разбродѣ, рвалась на части, билась лбомъ о крѣпкую стѣну. Какъ-то кисло, безъ подъема проходила студенческая забастовка. Гордое, сильное эхо другихъ городовъ къ намъ долетало ма-

ленькимъ, неслившимся. Такъ тогда казалось. Нервы взвинчивались, поднимались. Душа хотѣла вырваться куда-то и улетѣть въ иной, полный свободы, прекрасный міръ.

Въ мою маленькую комнату безъ зова, безъ предупрежденій ворвались первые лучи весенняго солнца: они тепло и ласково скользнули по стѣнамъ, нескромно заглядывая въ темные уголки, стали играть въ зеркалѣ и манить на просторъ полей, обѣщая показать все прелести весны въ деревнѣ. Для меня было ясно—они ощупывали мою душу, разогрѣвали ее, замерзшую въ однообразіи и холодѣ городской жизни.

И разогрѣли...

Въ это время газеты были полны описаніями ужасовъ цынги и тифа, разыгравшихся въ Поволжьѣ, на почвѣ недоѣданія. Тамъ совершалась великая драма борьбы человека за кусокъ хлѣба.

Началось все просто, обычно. Какъ всегда у насъ. Сначала статистическія данныя. „Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской, Уфимской и Казанской губерній урожай ниже средняго, а по мѣстамъ неудовлетворительный“. Обыватель прочелъ и подумалъ:

— Жить еще можно...

Потомъ, какъ первыя, одинокія капли лѣтняго дождя, появились двѣ, три осторожныхъ корреспонденціи съ театра ужасовъ. Жилось тогда труднѣе, чѣмъ сейчасъ, дышалось тяжело. Нужно было, взывая, оглядываться:

„Въ д. Карабулакъ, Кармальской волости, у мѣстныхъ крестьянъ погибли озимыя. На яровыя также мало надежды. Продаются за безцѣнокъ лошади. Весьма возможно, что нужна будетъ сторонняя помощь“.

Теперь время другое, къ голоду въ деревнѣ „привыкли“, да и способовъ борьбы со старымъ строемъ стало больше, поэтому такія корреспонденціи теперь

напечатаетъ не всякая столичная газета. Редакторъ просто скажетъ:

— Не интересно. Нужно мѣсто для описанія послѣдняго скандала въ Думѣ...

Но тогда общество еще не было отравлено ядомъ конституціоннаго политиканства. Оно напряженно ждало и пользовалось каждымъ самымъ незначительнымъ случаемъ, какъ средствомъ борьбы. Голодъ поэтому былъ одинъ изъ крупныхъ козырей общества противъ надѣвшаго опеки. Вверху это знали и принимали свои мѣры. Газетамъ „не дозволялось сгруппировывать подъ общей рубрикой извѣстія о неурожаѣ и явленіяхъ, происходящихъ отъ онаго“, „воспреещалось печатать какія-либо воззванія въ пользу голодающихъ“. А въ 1892 году даже было предписано „воздерживаться относительно необходимости устроить пышную встрѣчу американскимъ судамъ, везущимъ хлѣбъ для голодающихъ“.

Но въ описываемый 1899 годъ волна прорвала плотину запрещеній. Калли забарабанили по крышѣ. Петербургскія газеты, какъ болѣе смѣлыя, поставили точку надъ і.

— Голодъ.

Ужасный, зловѣщій голодъ. Со всѣми признаками разложенія: тифомъ, цынгой. Цѣлыхъ три огромныхъ губерніи объаты его пламенемъ.

Наконецъ, загремѣлъ громъ. И въ раскатахъ его Россія услышала отчаянный крикъ:

— Голодъ! Голодъ! Голодъ!

На Страстномъ бульварѣ зашипѣли:

— Голода нѣтъ. Раздуваютъ крамольяники.

Изъ Петербурга было нажали кнопку. „Голода“ не стало. Онъ замѣнился „недородомъ“. Но Россію обмануть было уже нельзя. Она знала, что тамъ гдѣ-то, за Волгой, пластами лежатъ чуваша, мордва, татары. Пухнуть отъ голода. Шевельнуться не могутъ отъ боли.

Конечно, „они привыкли“,—но все же... Ужасно было думать, что у нихъ нѣтъ простого, чернаго хлѣба, *которымъ мы кормимъ собакъ*. Мѣстами доѣдають послѣднее и готовятся пухнуть. Усиленно собирають лебед и разныя травы, чтобы хоть пемножко продолжить существованіе.

„Мѣры были приняты“. Было объявлено, что „энергично работаетъ „Красный Крестъ“. Стараются земскіе начальники. Вся голодающая мѣстность оцѣплена попечительствами. Вездѣ столовыя, чайныя, больницы, медицинскій персоналъ.

Но общество грустно качало головой. Оно подѣ сурдинку сомнѣвалось. Странное,—оно привыкло сомнѣваться. Тѣмъ болѣе, что печать продолжала свою работу. Столбцы газетъ заполнялись описаніями голода. За холодными, цензурованными словами чувствовалась раздирающая сердце драма, за „корректнымъ“ тономъ звучали рыданья. Читаешь и представляешь: вотъ умирають дѣти, приковывается къ постелѣ тяжелымъ недугомъ глава семьи, бѣдная, рыдающая мать напрасно подносить ребенку высохшую грудь—въ ней нѣтъ молока...

Робко былъ поставленъ вопросъ о частной помощи. Газеты осторожно завели рѣчь, что правительству, молъ, трудно, средствъ у „Краснаго Креста“ мало. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не допустить русскую интеллигенцію, нашу отзывчивую учащуюся молодежь въ деревню? Пусть учится добру, упражняется въ хорошихъ навыкахъ...

Логика власти холодна, какъ клинокъ шпаги. Она обыкновенно отвѣчала такъ:

— Хотите помочь? Что жъ, доброе дѣло... помогите страдальцу брату, наказанному Богомъ за пьянство и лѣнь... Жертвуйте!

И подставлялась кружка „Краснаго Креста“.

Но на этотъ разъ произошла благодѣтельная

„ошибка“. Растерялись ли подъ напоромъ общественной волны, или было что другое, но только въ одинъ прекрасный день, рядомъ съ просьбой о пожертвованіяхъ на „Красный Крестъ“ въ газетахъ появилось воззваніе, заканчивающееся многозначительными словами. Пожертвованія просили направлять по частному адресу самарской общественной организаціи—„Частнаго Кружка“. Это было понято обществомъ, какъ побѣда надъ „старымъ строемъ“ и также учтено на „Страстномъ бульварѣ“. Тамъ злобно заворчали:

— Справились бы своими силами. Допустить общество, пропитанное желаніемъ бунта, значить разносить по деревнямъ заразу крамолы...

Но было уже поздно. За одной частной организаціей послѣдовала другая. Горячее письмо въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ А. С. Пругавина, бывшаго тогда секретаремъ самарской губернской земской управы, заставило учащуюся молодежь откликнуться на призывъ. За Волгу на помощь голодающему крестьянину устремились студентъ, курсистки, гимназисты и другіе интеллигентные люди. Посыпались пожертвованія. Присылали деньги, одежду, муку, просо. Прислали откуда-то даже вагонъ пирожковъ съ яйцами. Общество, такъ долго насильно сдерживаемое, обрадовалось маленькой брени въ великой китайской стѣнѣ и показало молодое одушевленіе, богатый родникъ силъ и энергій.

Надумалъ и я поѣхать за Волгу. Въ это время въ городъ, гдѣ я учился, вернулся изъ поѣздки по голодающей мѣстности извѣстный тогда профессоръ Е. Ф. Шмурло. Его блестящіе фельетоны о голодѣ печатались у кн. Э. Э. Ухтомскаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и на насъ, молодежь, производили сильное впечатлѣніе. Вообще въ это тяжелое для Россіи время, органъ кн. Ухтомскаго сослужилъ большую службу обществу. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ смѣло печатались статьи о голодѣ и воззванія,

не жалѣлись краски для описанія ужасовъ. А. С. Пругавинъ помѣщалъ тамъ свои прекрасныя письма. Правда, рядомъ съ фельетонами Шмурло и Пругавина помѣщались крѣпостническія и дикія статьи г. Ярмошкина, отрицавшаго голодъ, но имъ мы не вѣрили.

Къ Е. Ф. Шмурло я и направился за совѣтомъ. Профессоръ оказался ласковымъ человѣкомъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте,—сказалъ онъ,—но шуба у васъ есть?

— Это пустяки,—отвѣтилъ я.

Стоялъ холодный мартъ, а у меня кромѣ легонькой студенческой шинели ничего не было.

Профессоръ долго рассказывалъ мнѣ о трудностяхъ жизни среди голодающихъ и направилъ меня въ Самару къ А. С. Пругавину.

Черезъ день поѣздъ съ грохотомъ мчалъ меня и моего товарища, Залотьскаго, на юго-востокъ.

II.

Самарскій частный кружокъ. — А. С. Медвѣдевъ и А. С. Пругавинъ.—Красный Крестъ.

Въ Самарѣ насъ встрѣтили съ распростертыми объятіями. Тутъ былъ штабъ „Самарскаго Частнаго Кружка“. Организационная работа кипѣла безъ начальника. Его не было. Это была своеобразная армія. Ее двигали не приказанія, а польза дѣла. Она была ихъ главнокомандующимъ.

Штабъ состоялъ изъ людей, проникнутыхъ однимъ желаніемъ—помочь населенію. Добрымъ, хорошимъ словомъ вспоминаю я всегда этихъ милыхъ людей. Забывали свои личныя дѣла, не знали отдыха, ѣздили, терпя неудобство, по губерніи. И все это безкорыстно.

Это были частные и честные люди. Это была наша интеллигенція. Это было наше младенческое общество, которое боялись пускать безъ няньки...

Помню крѣпкую, изъ дуба сдѣланную, фигуру А. С. Медвѣдева, недавно умершаго. Послѣ онъ былъ членомъ первой Государственной Думы отъ Тверской губерніи, а тогда занималъ должность управляющаго частнымъ банкомъ въ Самарѣ. Я всегда смотрѣлъ съ уваженіемъ на это умное, крестьянское (онъ изъ крестьянъ) лицо и любилъ слушать его грубоватый, но пріятный голосъ. Въ памяти представительная фигура А. С. Пругавина, его корректный тонъ. Этотъ человекъ интересовалъ меня и съ другой стороны — какъ знатокъ сектантства и старообрядчества. Но я смѣшалъ А. С. съ его братомъ, извѣстнымъ народникомъ. А такъ какъ тогда былъ самый разгаръ споровъ и печатной борьбы между марксистами и народниками, то я съ юношескимъ задоромъ спросилъ Александра Степановича:

— Вѣрите ли вы еще до сихъ поръ въ идеалы народничества?

Онъ было попробовалъ перейти въ шутливый тонъ, но я пресерьезно заявилъ, что для меня этотъ вопросъ очень важный. Я былъ, конечно, марксистомъ.

Милая юность!

Въ моей книжкѣ записано, что А. С. Пругавинъ далъ мнѣ такой отвѣтъ:

— Я замѣчаю упадокъ народничества, но не вижу ничего привлекательнаго въ марксизмѣ.

— Это меня не удовлетворило. Мнѣ нужна была опредѣленность: народникъ ты или марксистъ? Къ народникамъ я относился развѣ только снисходительно.

Какъ давно, давно это было! Словно золотой сонъ дѣтства...

Секретаремъ кружка была живая, умная дѣвушка, Н. А. Хардина, дочь очень извѣстнаго въ Поволжьѣ

адвоката Хардина, недавно умершаго. Она разсказала мнѣ исторію Кружка.

Исторія эта грустная, хотя и обычная. Мног шиповъ, терній. Вездѣ были преграды. Но *неожиданно* все увѣнчалось успѣхомъ. Когда дѣло возникло, его вогнали въ загородку „законности“. Было узко, но работать все-таки можно.

— Словомъ, произошло своего рода чудо,—закончила моя собесѣдница.—Среди чудесной обстановки мы и сейчасъ работаемъ. Но какъ трудно привыкнуть къ чуду!

„Кружокъ“ согласился легализовать подъ условіемъ, чтобы онъ не печаталъ ничего о себѣ. Но комитетъ кружка собралъ 25 тыс. пожертвованій и нашелъ мѣсто для своихъ воззваній въ субсидируемыхъ правительствомъ органахъ: „Котлинъ“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Губернаторъ, увидавъ воззванія, напомнилъ объ обѣщаніи комитета ничего о себѣ не печатать. А комитетъ отвѣтилъ:

— Тогда мы отоплѣмъ назадъ всѣ пожертвованія жертвователямъ.

Это былъ бы грандіозный скандалъ. Губернаторъ это понялъ и замолчалъ. Кружокъ сталъ работать, но администрація все время не сводила съ него глазъ. Приходилось дѣйствовать крайне осторожно и прежде всего ничѣмъ не возмущаться. Между тѣмъ, въ глаза лѣзли поступки присылаемыхъ „Краснымъ Крестомъ“ уполномоченныхъ и другихъ чиновниковъ. Къ дѣлу эти лица отнеслись, какъ къ пріятному развлеченію и выгодной командировкѣ. Народъ пухъ отъ голода, а они отписывали въ Петербургъ: „Голода нѣтъ, есть маленькій недорогъ“. Лишь цыгга ихъ испугала не на шутку.

А. С. Медвѣдевъ видѣлъ все безобразіе и ужасъ дѣйствительности и, бывало, говорилъ:

— Сейчасъ мы будемъ вести себя тихо, а послѣ компаніи я опубликую все въ заграничныхъ газетахъ...